

УДК 124. 6 : 316.3

В.Б. ПОПОВ

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ В СТРУКТУРЕ НЕЛИНЕЙНЫХ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Попов Василий Борисович – кандидат философских наук, доцент, докторант Луганского национального университета имени Тараса Шевченко

Аналізується феномен перетворених форм як одне з втілень нелінійної соціальної динаміки. Подолання перетвореності розглядається на шляхах відродження різноманіття процесів суспільної макроеволюції.

Ключові слова: перетворена форма, нелінійні типи суспільного розвитку, Антропосоціетальність, астадіальність, багатомірність.

Анализируется феномен превращенных форм как одно из воплощений нелинейной социальной динамики. Преодоление превращенности видится на путях возрождения многообразия процессов общественной макроеволюции.

Ключевые слова: превращенная форма, нелинейные типы общественного развития, Антропосоциетальность, астадиальность, многомерность.

The article deals with the phenomenon of converted forms as one of the manifestations of non-linear societal dynamics. To overcome the above-mentioned conversion one has to revive the diversity of the processes of social macroevolution.

Key words: converted form, non-linear types of social development, antroposocietality, non-phasic processes, multidimensionality.

© В.Б. Попов, 2012

Постановка проблемы. Предельность классических линейно-поступательных, прогрессистских парадигм при осмыслении процессов общественной эволюции достаточно очевидна, так что развитие современного социального познания связано с разработкой концептов, могущих отразить сложность, многомерность развития человекомирной реальности. Одну из ведущих позиций здесь занимает синергетика, но, думается, что это все же не единственно возможное направление. Перспективным нам представляется построение многомерной теории общественной эволюции, призванной отразить многообразие форм социальной динамики в различных системах координат. Сферой развертывания подобных процессов является вся полнота человеческого миробития – Антропосоциетальный универсум (подробнее см. [1, с. 322 – 325], что делает насущной необходимостью разработку теории «новой тотальности». Серьезные шаги в этом направлении проделаны В.В. Кизимой [2; 3]. Тотальность бытия человека нелинейна по своей сути, что позволяет задействовать здесь многомерный подход, правда находящийся в стадии становления¹, но, думается, что В.Л. Алгухов и некоторые другие авторы все же предоставили серьезные аргументы в ее пользу [5].

Цель исследования. Целью данной статьи является исследование субстанциональных основ феномена превращенности.

Анализ последних исследований и публикаций. Одним из концептов нелинейной картины антропосоциетальности, на наш взгляд, может быть категория превращенной формы, возникшей на стыке классической и постклассической науки. В своем зародышевом состоянии она содержится уже у Гегеля там, где он рассматривает процессы развертывания Абсолюта [6, с.162 – 163]. Пишет

он и об изменениях формы, претерпеваемой лежащей в основании вещью, что скрывает тождество, сохраняющееся при этом самой вещью [6, с. 629]. По сути дела та же схема присутствует и у Маркса, правда, перенесенная в сферу политэкономии (товарно-денежный фетишизм). Многообразие соответствующих феноменов подводится им под единую форму (verwandelte Form).

В советской философии происходит неуклонное расширение когнитивного поля данного понятия, что хорошо прослеживается по классическим работам М. Мамардашвили [7; 8]. Если первая написана в целом в духе марксистского экономикоцентризма, где лишь обозначены превращенные формы сознания, вскользь упоминаются социокультурные феномены, чья природа может быть исследована при помощи данной категории и т. п. [7, с. 388 – 389], то во второй – в оборот введены феноменологический подход, фрейдовский психоанализ, юнговская концепция архетипов, символические и лингвистические теории и т. д. В целом понятие превращенной формы здесь уже задействовано в рамках неклассической рациональности, всячески подчеркивается онтологическая значимость феномена превращенности [8, с. 327 – 328]. Актуализация его проблемного поля происходит и в наши дни, во многом связанная с процессами постиндустриального развития, виртуализации всех сфер социальности и т. п. Указывается, что концепция превращенной формы в постнеклассическом дискурсе предвосхитила ключевые проблемы современных системных исследований таких как самоорганизация, саморегуляция, автопойезис, нелинейная причинность сложноорганизованных объектов и т. п. [9, с. 107].

В этой связи и возникает проблема ее эвристического потенциала при анализе

нелинейных эволюционных процессов, что и будет предметом данной работы.

Наиболее развернутая, на наш взгляд, характеристика, представленная в вышеназванной работе М. Мамардашвили, делает акцент на их следующие свойства. Первое на что он обращает внимание – это на превращение внутренних отношений сложной системы, скрывающее их фактический характер [8, с. 316]. Далее указывается то, что, в отличие от классического отношения формы и содержания, форма здесь получает самостоятельное «сущностное» значение, а содержание заменяется иными отношениями, становящихся на место действительного отношения, что представляет собой извращение содержания [8, с. 316 – 317]. Исследователем вводится значение «превращенности» наряду с понятиями истинности или ложности (типа «жареный логарифм») абсурдное по своей сути [8, с. 317 – 318]. Всячески проводится тезис о мнимости превращенных форм, их трансформации в квазиобъекты, но при этом подчеркивается, что это не субъективное, а объективное их состояние, непостижимое чисто эмпирическим описанием [8, с. 320, 322 – 323].

Особо нам хотелось бы обратить внимание еще на одно соображение М. Мамардашвили, где он развивает мысль о том, что превращенная форма есть дискретное явление, в котором посредствующие промежуточные звенья «сжались» в особый функциональный орган, обладающий уже квазисубстанциональностью. Исходное (реальное) отношение здесь не может осуществляться в своем действительном виде в силу изъятости из определенной системы или их стертости [8, с. 321]. Тем самым, на наш взгляд, М. Мамардашвили указывает на феномен превращенности как на результат нарушения линейной последовательности эволюционного процесса.

М. А. Чешков в своих работах рассматривает феномен превращенности в связи с нарушением преемственности развития стран Востока в результате колониальной экспансии, приведшей к такому мирообразованию как «Общность развивающихся стран» (ОРС) и ее наиболее яркой, исторической форме, такой как тьермондиалистская (третьюмирская) [10, с. 161; 11, с. 121 – 123, 127 – 128]. Отсюда капиталистические отношения, внедряясь в структуру докапиталистических обществ, не только сами трансформируются, становясь превращенными формами, но и, разрывая историческую преемственность в развитии восточных обществ, трансформируют их в ОРС как превращенный исторический тип социальности. Таким образом, превращенность у него выступает как во временном плане (астадиальность), так и в функциональном (капитал в функции докапитала, община в функции товаропроизводителя). Суть исторической превращенности он усматривает в том, что воспроизводственное общественное отношение теряет свою исторически определенную стадиальную принадлежность. Превращенная форма азиатского (восточного) общества является таковой по отношению к исторически определенной форме азиатского общества (доколониальный Восток) [11,

с. 122]. Тем самым у М.А. Чешкова превращенность выступает сразу в нескольких видах.

По-своему развивает это положение и В.Д.Бакулов [12]. Он разграничивает природу и сущность превращенных форм, понимая под первой многообразие эмпирического материала, группируемого им по видам превращенности, а их сущность связывает с неклассическими причинно-следственными отношениями в системе [12, с. 224, 231 – 236]. В. Д. Бакулов выделяет три типа превращенности. Первый основывается на замещении целого частью, манифестирующей себя в роли целостности, всеобщее заменяется отдельным, конкретное – абстрактным и т. п. Второй тип характеризуется превращением фактических взаимосвязей системы и замещающих их квазиобразований в манифестации качественно иной «предметности» и «содержательности». Здесь еще сохраняется определенная соотношенность квазиобразований с исходными взаимосвязями и атрибутами объектов. Наконец, третий тип реализуется в иррациональных по своей природе замещениях самым превратным и фантастическим образом воспроизводящих замещаемые или реальные объекты [12, с. 231 – 232].

Изложение основного материала исследования. В рамках данной статьи прежде всего нам хотелось бы разграничить феномены превращенности и астадиальности, которые не тождественны друг другу, хотя и тесно переплетаются между собой. Под астадиальностью, на наш взгляд, следует понимать нелинейную социальную динамику неформационного типа. Последнюю М. А. Чешков вполне обоснованно связывает со специфическим способом развертывания (прогрессивное движение), с соотношением членений в этом движении (стадиально-последовательное) со способом смены этих членений (жестко детерминистический) [10, с. 163 – 164]. Исследователь не находит этих признаков в эволюции ОРС, а, на наш взгляд, их нет и на традиционном доколониальном Востоке («европейский путь развития» по Л. С. Васильеву или «политарная формация» по Ю. И. Семенову). Однако даже у последнего данная формация обнаруживает иную, по сравнению с «европейскими», динамику. Вместо сквозной линейно-поступательной смены формаций идут квазиформационные трансформации [12, с. 445 – 513]. Астадиальность имеет сложную, многомерную природу с разнообразием своих феноменов [15, с. 276 – 281]. Астадиальное развитие тем самым оказывается синонимом неформационного, нелинейного. Формационное развитие идет через фазовые (стадиальные) трансформации, осуществляющиеся в единой системе координат, позволяющие четко разложить те или иные общества по ступеням эволюционного процесса (формациям). Астадиальное развитие осуществляется через модификацию, перекомбинирование уже имеющегося субстрата. Стадиальность присутствует и здесь (аграрная, индустриальная), но в «снятом» виде. Она не артикулирует всю систему детерминаций, а является одним из векторов, который, кстати, может отчасти блокироваться иными [13, с. 49 – 53]. Нарушение преемственнос-

ти в результате воздействия стадияльно высших обществ (колонизация) как раз и приводит к феномену превращенности (ОРС / тьермондиализм).

Помимо этого астадиальную природу (отсутствии линейной последовательности в вытеснении одного феномена другим – «замещающее развитие» в терминологии М.А. Чешкова как антипод «совмещающего» [16, с. 44 – 45]) обнаруживает многие социальные практики, не зависящие от стадии развития общества [17, с. 266 – 267]. Их можно охарактеризовать как астадиальные, но отнюдь не превращенные. Так, например, политику Николая II, несмотря на ее почти буквальное сходство с политикой Людовика XVI, на что указывает П. Сорокин [17, с. 278, 288 – 291], нельзя считать превращенной, астадиальность же здесь налицо. Типы социальных практик ограничены, выбрав одну из них, субъект оказывается в поле действия ее традиции, воспроизводя в новых условиях действия предшественников с разной мерой соответствия архетипу (борьба Ивана Грозного с «реакционным» боярством – Сталина с «ленинской гвардией»; петровская модернизация – сталинская индустриализация; Людовик XVI – Николай II; Мазепа – П.Скоропадский – Кравчук; Керенский – Горбачев; «корниловцы» – «гкчписты» и т. д.)

Какое же качество превращенных форм можно выделить в качестве «сквозного», субстанционального? Б.И.Молодцов, хотя и не поднимает данный вопрос, но все же вполне определенно и обоснованно, на наш взгляд, выступает против редуцирования его к «мнимым», иррациональным и превратным [18, с. 252 – 254]. Ю. В. Пуцаев, развивая идеи М. Мамардашвили, видит главное значение превращенности в их неузнаваемости на эмпирическом уровне [19, с. 48, прим. 18]. Далее он говорит о двойственности превращенной формы, заключающейся в том, что ее уникальность и «бытийственность» все-таки онтологически вторична. Свою «бытийственность» она получает не от самой себя, а от целого. Как форма этого целого она зависит от своего содержания – субстанции [19, с. 49]. Таким образом, практически все авторы, касающиеся данной проблемы, видят существенные качества превращенных форм в трансформации отношений между формой и содержанием. По поводу характера данной трансформации также особых разногласий не возникает. Таковая видится в том, что действительные вытесняются косвенными, скрывающими фактическое положение, но тем не менее вполне объективными («объективная видимость»). Целое замещается частью, представляющей себя в качестве целого в том или ином виде.

Действительно, вне дискретности и трансформации нет превращенности. Именно разрыв преемственности в развитии стран Востока в результате колониальной экспансии привел к феномену ОРС/тьермондиализму. Взаимодействие капиталистических и докапиталистических форм плодит число превращенных. При этом превращенность захватывает оба разностадиальных сектора, чего упорно не замечают сторонники рыночного универсализма, постулирующие внеисторические универсальные законы рынка с их неограниченной

силой преобразования традиционного в современное, то есть рыночное.

Между тем феномен обратного воздействия достаточно очевиден, позволяя, например, Р.Пребищу говорить о периферийном варианте капитализма, где «привилегированное потребление» трансформирует классические законы рынка [20, с. 5 – 14]. А. С. Панарин указывает на роль социокультурных факторов, опосредующих рыночные отношения, что является решающим условием модернизации, поскольку промышленные технологии невозможно механически пересадить в любую социокультурную почву [21, с. 171, 179 – 190].

Г. К. Широков определенно указывает на возникновение особого варианта развития, на формирование которого огромное влияние оказывают цивилизационные ценности [22, с. 36 – 37]. Таким образом, в мире имеется несколько вариантов социально-экономического строя, сближаясь по технико-технологическим и организационным параметрам, они расходятся по показателям собственности, найма, управления производством и т. п., что создает основу цивилизационного многообразия. При этом неевропейские цивилизационные традиции явно дистанцируются от западных. Так, «арабская весна», зачастую интерпретируемая в духе вестернизационной парадигмы («борьба за демократию против восточного деспотизма»), на самом деле дала новый толчок фундаментализму, правда, разной степени оппозиционности по отношению к Западу.

Все вышеизложенное свидетельствует в пользу того обстоятельства, что осмыслить сущность превращенных форм невозможно без учета их динамики, их роли и места в глобальных процессах общественной эволюции. Основоположник данной категории К. Маркс, как показывает Ю.В.Пуцаев, связывал превращенность с ситуацией отчуждения. Отсюда превращенные формы с развитием Целого неизбежно должны вернуться к своему истинному, неотчужденному состоянию [19, с. 52]. Согласно логике марксизма таковым может быть только бесклассовое общество, в котором преодолены все виды отчуждения. Сходные подходы развивает и Ю.П. Аркан [23, с. 115 – 117]. М. А. Чешков, хоть и не разделяет марксистских подходов, но занимает, по сути дела, аналогичную методологическую позицию. В частности, он неизменно подчеркивает отсутствие самодостаточности в развитии ОРС, рост дифференциации, ее размывание в связи с крахом Второго мира и глобализационными процессами, однако господствующие еще в 90-е гг. представления о распаде ОРС в ходе ее глобализации ныне явно поколеблено, констатирует М. А. Чешков [24, с. 55]. Дальнейшую эволюцию ОРС он связывает с феноменом Возрождения Востока, где восстановление преемственности, прерванной колониальной экспансией, происходит не прямо, непосредственно из реконструкции генотипического Востока, а опосредованно, через его подобие (видение в современных формах социетальности и общественного сознания) [25, с. 73]. Исследователь видит три вариан-

та решения проблемы соотношения Возрождения Востока (ВВ) и ОРС: 1) ВВ как неопределенное множество Востоков, подобных традиционным прототипам; 2) ВВ как механизм исторического исчерпания ОРС и, наконец, 3) ВВ и ОРС образуют общность – связку, характеризующуюся через несовместимость и взаимосвязанность [25, с. 77]. Видимо автор склоняется к последнему варианту. Именно подобный тип взаимосвязи присущ современной глобальной мироцелостности, определяемой им как «неопределенное множество» (способ миробытия человечества, сменивший системный тип его организации) [24, с. 46; 25, с.72]. В восполнении полноты, утерянной мировой/социальной историей и заключается, по М. А. Чешкову, смысл трансформации ОРС [24, с. 56]. Однако феномен Возрождения Востока, как это можно понять из текста, имеет наибольшие перспективы в том компоненте ОРС, где сохраняется живая традиция Великих мировых цивилизаций [24, с. 57]. Именно здесь идет выработка «глобальности для себя» и одновременно «определенной цивилизационной идентичности», чего не наблюдается в других составных ОРС. Таким образом, в более смягченной форме мы, по сути дела, сталкиваемся с тем же тезисом, который ранее звучал более категорично, в частности, о том, что крах социализма подорвал

идею альтернативного развития [26, с. 6], ОРС как особое мирообразование исчезает, повторяя судьбу мирового социализма [27, с. 19]. Подобная позиция уже рассматривалась нами и представляется излишне категоричной [15, с. 281 – 282].

Выводы. В заключение хотелось бы особо обратить внимание на то обстоятельство, что, как нам видится, именно на путях возрождения альтернативности, вернее многообразия эволюционного процесса, следует искать преодоление превращенности. Универсально нивелирующий вариант развертывания глобализационных процессов в духе создания какой-либо империи имеет ограниченный запас прочности, о чем вроде бы свидетельствуют последние процессы забуксовавшей евроинтеграции. Все чаще говорят о Пекинском консенсусе как некоей альтернативе Вашингтонскому. Параметры первого, впрочем, остаются весьма неопределенными, но сама постановка вопроса достаточно показательна. Именно в подобном контексте следует рассматривать отмеченный М.А.Чешковым феномен Возрождения Востока. Восполнение полноты как необходимое условие преодоления превращенности ОРС в свою очередь позволит преодолеть превращенность в развитии глобализационных процессов (нивелирующий универсализм).

ПРИМІТКИ:

¹ О состоянии теории многомерности см.[4]

² Подробнее о многообразии форм общественной эволюции см. [13; 14]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попов В. Б. Социальная тотальность – социетальность: классические пределы и новые возможности / В. Б. Попов // Гілея. – 2012. – Вип. 59. – С. 318 – 326.
2. Кизима В. В. Тоталогия / В. В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2005. – 272 с.
3. Кизима В. В. Социум и Бытие / В. В. Кизима. – К. : ПАРАПАН, 2007. – 204 с.
4. Попов В. Б. Многомерный подход в научной литературе: веки концептуального осмысления / В. Б. Попов. // Філософські дослідження. – 2010. – Вип.12. – Ч.1. – С. 199 – 211.
5. Алтухов В. Л. Логика человека и мироустройства / В. Л. Алтухов. – М. : Компания Спутник, 2003. – 97 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М. : Мысль, 1999. – 1072 с.
7. Мамардашвили М. Форма превращенная / М. Мамардашвили // Философская энциклопедия: В 5 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1970. – Т.5. – С. 386 – 389.
8. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / Мераб Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
9. Белокрылова В. А. Понятие превращенной формы: диалектическое наследие в постнеклассической социальной теории / В. А. Белокрылова // Философия и социальная динамика XX века: проблемы и перспективы. – Омск : АнтроТопос, 2008. – С.102 – 110.
10. Чешков М. А. Рост капитализма и общая теория развивающегося мира / М.А. Чешков // Народы Азии и Африки. – 1988. – № 4. – С. 150 – 167.
11. Чешков М. А. Восток – «третий мир»: идея преемственности и ее критика / М. А.Чешков. // Ориентация-поиск: Восток в теориях и гипотезах. – М. : Наука, 1992. – С. 114 – 130.
12. Бакулов В. Д. Методологические проблемы анализа сущности превращенных форм / В. Д. Бакулов // Актуальные проблемы философии и методологии науки. – Р. н/Д : Изд-во СКНЦ ВШЮФУ АПСН, 2008. – С. 221 – 240.
13. Попов В. Б. Синхронное и диахронное измерения всемирной истории / В. Б. Попов // Практична філософія. – 2004. – № 4. – С. 48 – 58.
14. Попов В. Б. О природе социально-исторических трансформаций: движение в континууме глобальности / В. Б. Попов // Практична філософія. – 2007. – № 4. – С. 100 – 111.
15. Попов В. Б. Астадиальные трансформации в структурах социетальной многомерности / В. Б. Попов // Гілея. – 2010. – Вип. 37. – С. 269 – 283.
16. Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России. Очерки теории и методологии мироцелостности / М.А.Чешков. – М. : ЦКО МОНФ, 1999. – 300 с.
17. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
18. Молодцов Б. И. Превращенная форма сознания в контексте взаимоотношения классической и неклассической рациональности / Б.И. Молодцов // Гілея. – 2010. – Вип. 42. – С. 246 – 254.
19. Пущаев Ю. В. Диалектическая логика и философия Мераба Мамардашвили // Вопр. философии. – 2005. – № 12. – С. 39 – 64.
20. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли альтернатива? / Р. Пребиш. – М. : ИЛА РАН, 1992. – 338 с.
21. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе / А.С. Панарин. – М. : ИФ РАН, 1995. – 262 с.
22. Широков Г. К. Цивилизация одна или несколько? / Г. К. Широков // Восточный мир: опыты общественной трансформации. – М. : Муравей, 2001. – С. 19 – 37.

23. Аркан Ю. П. К. Маркс и Ф. Энгельс: критика романтизма – методологический пример «превращенной формы» сознания / Ю.П. Аркан // Вест СПбУ. – Сер. 6. – 2003. – Вып. 4. – С. 113 – 117.
24. Чешков М. А. Двойная спираль глобализации / М.А. Чешков. – М. : ИМЭМО РАН, 2007. – 178 с.
25. Чешков М. Возрождение Востока и развивающиеся страны в мировом контексте / М. Чешков // Мировая экономика и международные отношения . – 2007. – № 11. С. 69 – 80.
26. Чешков М. Осмысливая развивающийся мир / М.Чешков // Мировая экономика и международные отношения . – 2000. – № 4. – С. 69 – 80.
27. Чешков М. Осмысливая развивающийся мир / М. Чешков // Мировая экономика и международные отношения . – 2000. – № 5. – С. 15 – 20.